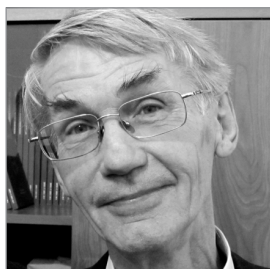

Языковые универсалии в структуре понимания*

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о понимании. Мы понимаем не человека, а его создания – тексты, предметы культуры. Понимание заключается не в открытии вложенного в текст смысла, а в придании, приписывании смысла языковым выражениям и объектам культуры. Смысл языковых выражений расщепляется на две части: общий или социальный смысл, который является общепринятым в данном языковом сообществе, и индивидуальный или личностный смысл, который связывает с данным выражением только один конкретный индивид. Взаимопонимание возможно только на уровне социальных смыслов, на уровне личностных смыслов взаимопонимание достижимо чрезвычайно редко.

Ключевые слова: понимание, смысл, индивидуальный смысловой контекст, интерпретация, язык

LINGUISTIC UNIVERSALS IN THE STRUCTURE OF UNDERSTANDING

Alexander L. Nikiforov – DSc in Philosophy, chief research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

The author considers a problem of understanding. He claims that we understand texts, cultural objects rather than a man. He considers understanding as a process of interpretation of linguistic expressions and cultural objects. The author observes two sides of the meaning of linguistic expressions: a general (or social) one, which is common in a certain language community, and a personal one, which defines personal understanding. It is argued that mutual understanding is possible only on the stage of general meaning. However, the exchange of personal meanings is a very sophisticated process.

Keywords: understanding, meaning, individual meaning context, interpretation, language

1. Что значит «понять»?

Ответ на этот вопрос традиционно давала герменевтика. Как известно, Шлейермахер считал, что понять некоторый текст – значит проникнуть в духовный мир творца этого текста и повторить его творческий

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00872 «Языковые универсалии в построении картины мира человека».

акт. Для Дильтея понимание было специфическим методом общественных наук, методом психологической реконструкции духовного мира человека прошлого и переноса его в настоящее. Представители герменевтики до сих пор склонны говорить о понимании как о «вчувствовании» в духовный мир другого человека, как об «эмпатическом со-переживании» его мыслей и чувств.

Как мне представляется, в своем истолковании понимания герменевтика опирается на одну простую идею. Понять нечто – значит открыть (постигнуть) смысл этого нечто. Имеется, скажем, некоторый текст. Автор текста вложил в него определенное содержание, смысл, т. е. какие-то свои мысли и чувства. Текст, как таковой, несет в себе эти мысли и переживания. Понять текст – значит открыть и усвоить его содержание, пережить то духовно-душевное состояние, которое переживал автор текста в момент его создания. Или, скажем, наблюдаете вы ряд каких-то действий, совершаемых человеком. Что он делает? Понять его телодвижения – значит открыть мотив, побуждающий его к деятельности, узнать цель, которую он преследует.

Но если «понять» означает «открыть смысл», то отсюда следует, что понять можно только то, что уже до процесса понимания обладало смыслом, т. е. то, что обладает знаковой природой, будучи важно не само по себе, а как выражение чего-то иного. В первую очередь это, конечно, языковые выражения, но и произведения искусства, поступки людей, все предметы материальной и духовной культуры общества – все то, что создано человеком, вложившим в них свои мысли, цели, желания и т. п.

Кажется, что при таком истолковании термина «понимание» говорить о понимании явлений природы нельзя: их никто не создавал с какой-либо целью, никто не вкладывал в них какого-то замысла. Они лишены смысла, который можно было бы открыть. Отсюда немедленно следует принципиальная разница между естественными и гуманитарными науками, известное разделение «наук о природе» и «наук о духе». Первые только описывают и объясняют; вторые – понимают.

Если мы хотим говорить о понимании окружающего мира, о понимании явлений природы, то, по-видимому, нам нужно как-то иначе истолковать понятие понимания.

2. Понимание как интерпретация

Начнем несколько издалека. Герменевтика, кажется, предполагает, что человек всегда способен выразить свои мысли и чувства в каком-то внешнем материале – в тексте, в действии, в живописном полотне, а другой человек каким-то неясным образом способен открыть в этом

материале заложенный в нем смысл. Как только мы сформулировали данное предположение в явном виде, так сразу же становится очевидным, что оно ошибочно. И о его ошибочности как раз свидетельствуют те люди, которые специально заняты тем, чтобы выразить свои мысли и чувства в языке, действии, на полотне – поэты, писатели, художники, ремесленники.

Как сердцу высказать себя?
 Другому как понять тебя?
 Поймет ли он, чем ты живешь?
 Мысль изреченная есть ложь.

Ф.И. Тютчев. Silentium!

Приблизительно о том же самом говорит Витгенштейн в своем «Трактате»: «Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела» [Витгенштейн, 2009, § 4.002]. Осознание трудностей выражения мысли помогает нам отделить человека от его творения. В процессе понимания отнюдь не происходит соприкосновения двух душ. Внешняя форма выражения мыслей и чувств человека отрывается от своего создателя и начинает существовать самостоятельно – как пятна типографской краски на бумаге, как ряд наблюдаемых телодвижений, как покрытый краской холст, короче говоря, как любое из окружающих нас явлений. Таким образом, нельзя говорить о понимании одного человека другим, нельзя сказать: «Я тебя понимаю», следует говорить: «Я понимаю твои слова».

Как мы понимаем текст или поступок человека? Сразу же бросается в глаза, что разные люди одно и то же понимают по-разному. Ярким примером здесь может служить театральное искусство. Пьесы В. Шекспира изучены, казалось бы, до последней запятой, но при каждой новой постановке они приобретают новое звучание и новый смысл. Поэтому здесь чаще говорят не о понимании, а об интерпретации художественного произведения.

Но что такое интерпретация? В логике интерпретацией называют приписывание значения символам формальной системы, благодаря чему игра с символами превращается в язык, предложения которого что-то описывают. Возьмем, например, какую-то цепочку символов, скажем: « $A \rightarrow B$ ». О чем она говорит? До тех пор, пока мы не дали интерпретацию, эта последовательность символов лишена содержательного смысла, это просто три символа, написанные один за другим слева направо. Можно интерпретировать наши символы: пусть A и B обозначают события, а « \rightarrow » – следование события во времени. Тогда наше выражение приобретет смысл: «За событием A следует

событие В». Можно интерпретировать « --- » как отношение причинной связи. В такой интерпретации наше выражение будет означать: «Событие А причинно влечет событие В».

Важно обратить внимание на то, что если речь идет об интерпретации, то при этом подразумевается, что мы имеем дело с неинтерпретированным, т. е. лишенным смысла материалом. Приняв, что понимание представляет собой интерпретацию, а интерпретация наделяет смыслом лишенный его материал, мы приходим к выводу о том, что понимание есть не открытие уже заложенного смысла, а придание, приписывание смысла лишенному его материалу. Понять - значит истолковать, осмыслить.

3. Основа понимания

Смыслы, которые субъект приписывает объектам в процессе понимания, он черпает из своего внутреннего мира – мира индивидуального сознания, образующего основу понимания. Этот мир формируется на основе языка и чувственных впечатлений и включает в себя чувственные и абстрактные образы, связи между ними, знания, верования индивида, его идеалы и нравственные нормы. В этот мир наряду с образами реальных и чувственно-воспринимаемых вещей входят представления об абстрактных объектах. Они соседствуют с образами, созданными воображением художников и поэтов, в нем звучит музыка, любимая нами и т. п.

Назовем этот мир индивидуального сознания «индивидуальным смысловым контекстом». Индивидуальный контекст представляет собой систему взаимосвязанных смысловых единиц, содержание которых определено их местом в контексте, т. е. их связями с другими единицами и отношением к индивидуальному «я». Встречаясь с языковыми выражениями, текстами, предметами культуры, явлениями природы, индивид налагает на них свой внутренний контекст, ассоциирует с объектами какие-то смысловые единицы и тем самым наделяет их смыслом, интерпретирует или понимает их.

4. Языковые универсалии как основа осмысления мира

В «Логико-философском трактате» Витгенштейн показал, каким образом язык используется нами при понимании внешнего мира. Он, как известно, опирается в «Трактате» на язык пропозициональной

логики, в котором имеются атомарные предложения и логические связки, с помощью которых мы можем строить сложные – молекулярные – предложения. Предложение истолковывается как описание некоторого положения дел, ситуации или, как говорит Витгенштейн, *факта*. Наличие факта, описываемого предложением, делает его истинным. Если факт отсутствует, предложение ложно.

Такой язык, как показывает Витгенштейн, позволяет нам видеть в мире только положения дел, ситуации и логические связи между ними. Эти положения дел также разделяются на атомарные и молекулярные положения дел. Каждый атомарный факт независим от всех других.

- 1.1. Мир есть совокупность фактов, а не предметов.
- 1.2. Факты в логическом пространстве суть мир.
- 2.01. Атомарный факт есть соединение объектов (вещей, предметов).
- 2.0272. Конфигурация объектов образует атомарный факт.
- 2.04. Совокупность всех существующих атомарных фактов есть мир [Витгенштейн, 2009].

Такой язык, в основе которого лежат лишь категории атомарного и молекулярного предложения, позволяет нам очень мало понять или осмыслить в окружающем мире: мы способны выделить и описать только какие-то ситуации, существующие независимо друг от друга. В хаосе чувственных впечатлений мы выделяем и осмысливаем как ситуации, положения дел, факты некоторые конфигурации объектов и интерпретируем внешний мир как набор не связанных между собой ситуаций.

Но уже использование более богатого языка – языка первопорядковой логики – позволяет увидеть и понять гораздо больше. В этом языке существуют уже имена индивидов (отдельных объектов), имена свойств и отношений. Теперь мы способны выделять и интерпретировать не только ситуации, но и расчленять их на предметы, свойства, отношения. Мир языка логики предикатов гораздо богаче мира пропозициональной логики. Добавляя к этому языку категории причины и следствия, сущности и явления, категории силы, движения, пространства, времени и т. д., мы получаем возможность все более глубокого и детального понимания окружающего мира. Точно так же, как типографским значкам мы приписываем смысл как словам и предложениям, явлениям окружающего мира мы приписываем смысл быть предметом или свойством, причиной или следствием, сущностью или явлением и т. п. По-видимому, нельзя говорить о том, что мы с помощью языка *создаем* внешний мир, но можно сказать, что мы его истолковываем, *осмысливаем*, интерпретируем. И чем богаче наша категориальная сетка, тем больше мы осмыслим и поймем в мире [Касавин, 2011].

5. Взаимопонимание

Мы сказали, что при понимании, при осмыслении окружающего мира индивид черпает смыслы, которые приписывает текстам, вещам и явлениям, из своего индивидуального смыслового контекста. Но у каждого индивида свой собственный набор смысловых единиц и каждый понимает вещи по-своему. Скажем, передо мной толстая пачка бумаги, испачканная типографской краской. Что это? Я интерпретирую этот предмет как книгу, которую можно читать. А какой-нибудь человек из джунглей Амазонки истолкует этот предмет как набор листочков для разжигания костра. Как в таком случае люди понимают друг друга?

Для представителей одной культуры ответ прост. Овладевая в детстве языком, мы учимся наделять слова и предложения приблизительно одинаковым смыслом – тем, которым их принято наделять в данное время и в данном обществе. Повседневная практика, дающая нам обыденное, житейское знание вещей и явлений, в значительной мере у людей одинакова. Мы учимся по одним учебникам и усваиваем то, что открыли нам Евклид и Лобачевский, Коперник и Эйнштейн, Дарвин и Менделеев. Наша повседневная жизнь и повседневный труд замкнуты в одни и те же формы, мы ездим в автомобилях, отличающихся только номерными знаками, живем в типовых домах и квартирах. Общество прививает нам определенные правила поведения в тех или иных типичных ситуациях, внушает нам господствующие в данное время моральные нормы и идеалы, навязывает одинаковые цели и стремления. В силу всего этого духовная жизнь отдельных индивидов и их индивидуальные смысловые контексты отличаются незначительно. Мы приписываем приблизительно одинаковый смысл текстам, вещам и явлениям, и это дает нам возможность объединяться для совместной деятельности. Глядя на дерево, каждый из нас увидит в нем дуб или березу, липу или сосну, а не одуванчик или мраморную колонну. Вот это сходство индивидуальных смысловых контекстов обеспечивает социальную коммуникацию.

При общении с продавцом магазина, с соседями по даче, со слесарем ЖЭКа, с коллегами по работе мы понимаем друг друга постольку, поскольку приписываем словам и вещам приблизительно одинаковый смысл.

6. Пределы взаимопонимания

Тем не менее некоторые – порой весьма существенные – различия в индивидуальных смысловых контекстах все-таки есть и их следует учитывать, говоря о понимании. Личный жизненный опыт у людей

хотя во многом похож, но у каждого он имеет свои неповторимые особенности. Общественная культура для всех одна, но усваиваем мы ее по-разному и черпаем из разных источников. Различия в воспитании, образовании, в профессиональной деятельности отдельных людей отображаются в их индивидуальных контекстах. Сюда же добавляются и различия в жизненных целях и в отношении к внешнему окружению. Таким образом, смысловые единицы индивидуального контекста хотя и образуются в результате усвоения индивидом культуры общества, не будут вполне тождественными у разных индивидов, включая в себя субъективный опыт, субъективное отношение к вещам и их оценку – то, что А.Н. Леонтьев обозначал понятием «личностно-го смысла» [Леонтьев, 1975, с. 145].

Содержание каждой смысловой единицы индивидуального контекста можно представить в виде совокупности характеристик, в которых представлены знания и убеждения индивида относительно того или иного объекта или, иначе говоря, связи данной смысловой единицы с другими единицами контекста и с индивидуальным «я». Приведенные выше соображения делают вполне естественной мысль о том, что характеристики смысловых единиц разделяются на две группы: общие, или *социальные*, и индивидуальные, *личностные*. Общие характеристики воплощают усвоенный индивидом опыт и знания общества, индивидуальные – его личный опыт, убеждения, отношения к вещам.

Различие в индивидуальных смысловых контекстах способно проявляться не только в обыденной коммуникации, но даже и в профессиональной деятельности. Типичным примером здесь могут служить сочинения разных историков, описывающих одни и те же события. Здесь индивидуальные отношения историков к историческому событию – их истолкования и оценки этого события – могут настолько сильно расходиться, что в итоге мы получаем очень разные описания одного и того же события. Вот, например, Т. Карлейль и А.З. Манфред описывают штурм Бастилии: Карлейль говорит о нескольких инвалидах, охраняющих крепость, Манфред говорит о гарнизоне крепости; Карлейль сообщает, что гарнизон сдался добровольно, Манфред говорит о штурме; Карлейль с отвращением описывает, как толпа растерзала коменданта крепости и с его отрубленной головой бесновалась на улицах, Манфред говорит о праздничном ликовании победившего народа. И эти различия обусловлены разным смысловым содержанием важнейших мировоззренческих и идеологических категорий, включенных в их индивидуальные смысловые контексты.

Но если даже представители одной культуры могут так далеко расходиться в осмыслении тех или иных вещей и событий, то гораздо сильнее в этом отношении расходятся представители разных культур. Впрочем, это слишком очевидно, чтобы на этом останавливаться.

Интереснее другой вопрос: возможно ли полное взаимопонимание? Могут ли два человека полностью и до конца понять друг друга? Это было бы возможно, если бы смысловые контексты двух людей полностью совпадали. Но такого никогда не бывает. Никогда два разных человека не могут интерпретировать слова и вещи всегда одинаковым образом. И в этом смысле Ф.И. Тютчев прав: другой человек, как бы близок он тебе ни был, никогда тебя вполне не поймет. Грустно, но, по-видимому, это так.

Список литературы

Витгенштейн, 2009 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2009. 400 с.

Касавин, 2011 – *Касавин И.Т.* Дэвид Юм. Парадоксы источников познания // *Вопр. философии*. 2011. № 3. С. 157–171.

Леонтьев, 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

References

Kasavin, I. T. David Yum. Paradoksy teorii poznaniya [David Hume. Paradoxes of the sources of knowledge], *Voprosy filosofii*, 2011, no. 3, pp. 157–171. (In Russian)

Leontiev, A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975. 304 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus logico-philosophicus]. Moscow: Kanon+ROOI Reabilitatsiya, 2009. 400 pp. (In Russian)